

Полевое исследование славянских диаспор в Южной Америке: трансформации в языковой системе (по данным экспедиции 2025 г. в Бразилии, Чили, Парагвае)

© Пилипенко Г.П., 2025

Глеб Петрович Пилипенко, канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН.

119334, Россия, Москва, Ленинский проспект 32 А

ORCID: 0000-0002-5422-0039

E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Аннотация. В статье представлены первые результаты лингвистической экспедиции к славянским диаспорам, проживающим в Бразилии, Чили, Парагвае, которая состоялась весной 2025 года. Цель исследования — документирование славянских языков переселенцев, установление диалектной основы изучаемой славянской речи, анализ сохранности и отражения в нарративах диалектных черт, свойственных той местности, откуда происходят первые славянские переселенцы. Полевое исследование проводило среди польского населения в Сан-Паулу и боснийцев в Сантусе (Бразилия), хорватов в Сантьяго, Икике и Антофагасте (Чили), русских, белорусов, поляков и украинцев в Энкарнасьоне, Фраме, Коронель-Богодо (Парагвай) при помощи методов полуструктурированных интервью. Все обследованные информанты являются представителями экономической

миграции в страны Южной Америки. На основе устных нарративов, наиболее репрезентативных высказываний, записанных от собеседников на славянских языках, при использовании сопоставительного метода выясняется степень проникновения иноязычных элементов, уровень их адаптации, анализируются случаи переключения кода. Тематически нарративы связаны с характеристикой языковой ситуации как в прошлом, так и в настоящем, а также с культурными адаптационными механизмами, в том числе в сфере духовной и материальной культуры. С одной стороны, при адаптации испанских и португальских лексем устраняются нетипичные для конкретного славянского идиома фонетические явления. Морфологическая адаптация происходит за счет встраивания в уже существующие парадигмы склонения при устранении нетипичного исхода слова в именительном падеже. С другой стороны, в славянских идиомах присутствует интерференция из окружающих языков. Языковая компетенция информантов варьируется. При этом для всех информантов характерно включение испанских или португальских языковых элементов. Языковая ситуация везде имеет схожую тенденцию развития: на раннем этапе языками общения в семье были славянские, сегодня произошел языковой сдвиг в пользу испанского и португальского языков, что и диктует необходимость фиксации существующих славянских языков в изучаемом регионе.

Ключевые слова: славянские языки, испанский язык, португальский язык, Бразилия, Чили, Парагвай, языковые контакты, диалект, заимствование, интерференция

Для цитирования: Пилипенко Г.П. (2025) Полевое исследование славянских диаспор в Южной Америке: трансформации в языковой системе (по данным экспедиции 2025 г. в Бразилии, Чили, Парагвае). *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 181–200. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-181-200

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

ARTÍCULO DE INVESTIGACIÓN

Cuadernos Iberoamericanos. 2025. 4. P. 181–200

DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-181-200

UDC 811.16 + 811.134

Recibido 10.10.2025

Revisado 05.12.2025

Aceptado 15.12.2025

Trabajo de campo en las diásporas eslavas en América del Sur: transformaciones en el sistema lingüístico (según los datos de la expedición realizada en 2025 en Brasil, Chile y Paraguay)

© Pilipenko G.P., 2025

Gleb P. Pilipenko, PhD (Letras), investigador superior del Instituto de los Estudios Eslavos de la Academia de Ciencias de Rusia.

119334, Rusia, Moscú, Leninskiy Avenida, 32-A

ORCID: 0000-0002-5422-0039

E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Resumen. El artículo analiza los primeros resultados de una expedición lingüística realizada en las diásporas eslavas, que tuvo lugar en la primavera de 2025, en Chile, Paraguay, Brasil. El estudio busca documentar las lenguas eslavas de los inmigrantes, establecer la base dialectal del habla eslava estudiada, así como analizar la conservación y el reflejo en las narrativas de los rasgos dialectales propios de la zona de donde proceden los primeros inmigrantes eslavos. El trabajo de campo se llevó a cabo a través de los métodos de entrevistas semiestructuradas con polacos en São Paulo, bosnios en Santos (Brasil), croatas en Santiago, Iquique y Antofagasta (Chile), rusos, bielorrusos, polacos y ucranianos en Encarnación, Fram, Coronel Bogado (Paraguay). Todos los informantes son representantes de la migración económica que viven en los países de América del Sur. A base de un análisis de las narrativas orales y de las cláusulas más representativas grabadas en lenguas eslavas, mediante el método comparativo se revela el grado de penetración de elementos extranjeros, el nivel de su adaptación y los casos de alternancia de códigos. Temáticamente las narrativas están relacionadas con la descripción de la situación lingüística, tanto en el pasado como en el presente, así como con los mecanismos de adaptación cultural, incluyendo en los ámbitos de la cultura espiritual y material. Por un lado,

cuando se adaptan las palabras españolas y portuguesas, se eliminan los fenómenos fonéticos atípicos para un idioma eslavo específico. La adaptación morfológica se produce mediante la incorporación en los paradigmas de declinación ya existentes, mientras que se elimina el final atípico de la palabra en caso nominativo. Por otro lado, en los idiomas eslavos se realiza la interferencia con otros idiomas. La competencia lingüística de los informantes puede variar; no obstante, todos los informantes usan elementos lingüísticos españoles o portugueses. La situación lingüística tiene una tendencia similar en todas partes: en una etapa temprana, las lenguas de comunicación en la familia eran las eslavas, pero hoy en día se ha producido un cambio lingüístico a favor del español y el portugués, lo que dicta la necesidad de fijar las lenguas eslavas existentes en esta región.

Palabras clave: lenguas eslavas, español, portugués, Brasil, Chile, Paraguay, contactos de idiomas, dialecto, préstamo lingüístico, interferencia

Para citar: Pilipenko G.P. (2025) Trabajo de campo en las diásporas eslavas en América del Sur: transformaciones en el sistema lingüístico (según los datos de la expedición realizada en 2025 en Brasil, Chile y Paraguay), *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 181–200. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-181-200

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

RESEARCH ARTICLE

Iberoamerican Papers. 2025. 4. P. 181–200
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-181-200

UDC 811.16 + 811.134

Received 10.10.2025

Revised 05.12.2025

Accepted 15.12.2025

Field Study of Slavic Diasporas in South America: Transformations in the Language System (According to the Results of an Expedition Carried Out in Brazil, Chile, and Paraguay in 2025)

© Pilipenko G.P., 2025

Gleb P. Pilipenko, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

119334, Russia, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32a

ORCID: 0000-0002-5422-0039

E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Abstract. The paper discusses the first results of a linguistic expedition to Slavic communities made in the spring of 2025. The study seeks to document the Slavic languages of migrants, establish the dialectal basis of the Slavic speech under study, and analyze the preservation and

reflection in narratives of dialectal features typical for the region that the first Slavic migrants came from. The fieldwork was done using semi-structured interviews among Polish speakers in São Paulo, Bosnian speakers in Santos (Brazil), Croatian speakers in Santiago, Iquique, and Antofagasta (Chile), Russian, Belarusian, Polish, and Ukrainian speakers in Encarnación, Fram, and Coronel Bogado (Paraguay). All respondents are representatives of economic migration who settled in South America. The degree of influence of foreign language items, their level of adaptation, as well as cases of code-switching were analyzed using the comparative method based on oral interviews and the most representative statements that the respondents made in Slavic languages. The narratives discussed a variety of topics, including the language situation in the past and present, as well as cultural adaptation mechanisms within both spiritual and material aspects of culture. On the one hand, when Spanish and Portuguese words are adapted, phonetic features that are atypical for a specific Slavic language are eliminated. Morphological adaptation occurs by integrating into existing declension paradigms and by eliminating the unusual endings of words in the nominative case. On the other hand, there is interference from other languages. The linguistic competence of respondents varies; still, all of them use Spanish or Portuguese elements. The linguistic situation shows a similar trend everywhere: early on Slavic languages were used for communication within families, whereas today there has been a linguistic shift in favor of Spanish and Portuguese, which calls for preservation of the existing Slavic languages in the region.

Key words: Slavic languages, Spanish, Portuguese, Brazil, Chile, Paraguay, language contacts, dialect, borrowing, interference

For citation: Pilipenko G.P. (2025) Field Study of Slavic Diasporas in South America: Transformations in the Language System (According to the Results of an Expedition Carried Out in Brazil, Chile, and Paraguay in 2025), *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 181–200. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-181-200

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Введение

В марте–апреле 2025 года научными сотрудниками Института славяноведения РАН филологом Г.П. Пилипенко и историком А.А. Пивоваренко было проведено полевое исследование славянских сообществ в Бразилии, Чили и Парагвае¹. Данное исследование продолжает серию экспедиций к представителям славянских диаспор в странах Южной Америки. В предыдущие годы были опубликованы работы, посвященные славянским переселенцам в Аргентине, Бразилии и Уругвае [Березнев, Ясинская, 2024; Pilipenko, 2018; Пилипенко, 2018; Пилипенко, 2021; Pilipenko, 2023; Пилипенко, 2025; Пилипенко, Борисов, Немчинов, 2025]. Целью полевой работы является документирование славянских языков потомков мигрантов, анализ контактных форм, а также установление диалектной основы изучаемой славянской речи. Во время полевых исследований ведется работа с информантами, потомками славянской экономической миграции конца XIX – первой половины XX века, которые проживают компактно на определенной территории,

¹ Экспедиция проходила при поддержке гранта РНФ № 20-78-10030. — Здесь и далее примеч. авт.

местами образуют сплошной массив расселения (например, в департаменте Итапуа в Парагвае). Часто переселенцы объединены в культурные сообщества и участвуют в жизни общины.

Актуальность затрагиваемой проблематики чрезвычайно высока, поскольку славянские языки в среде переселенцев в большинстве случаев находятся в стадии угасания, отсутствует передача языка от старшего поколения младшему.

Языки представителей славянских диаспор практически не были описаны в лингвистической литературе, большая их часть нами задокументирована впервые. В отличие от группы русских старообрядцев [Белов, 2024], которым посвящены лингвистические исследования [Ровнова, 2022], обсуждаемые нами сообщества практически не рассматривались с лингвистической точки зрения.

В настоящей статье представлен анализ высказываний некоторых наиболее репрезентативных информантов, в которых содержатся элементы из окружающих мажоритарных романских языков, а также дается характеристика языковой ситуации в самих сообществах.

В ходе экспедиции были проведены интервью с представителями следующих сообществ: поляки в Сан-Паулу и боснийцы в Сантусе (Бразилия), хорваты в Сантьяго, Икике и Антофагасте (Чили), белорусы, поляки, русские, украинцы в Энкарнасьоне, Фраме, Коронель-Богадо, Асунсьоне (Парагвай). С собеседниками проводились полуструктурированные интервью на темы, связанные с семейными историями, переселениями в Южную Америку, традиционной духовной и материальной культурой, как собственной славянской, так и южноамериканской, с языковой ситуацией. Также исследователей интересовали рассказы о местной флоре и фауне, народной медицине. Всего было опрошено 60 информантов, общий объем записей составил 110 часов. Мы стремились записать как можно больше интервью на славянских языках; если же информанты испытывали трудности в языковой компетенции, переходили на испанский/португальский.

В целом языковую ситуацию у представителей описываемых сообществ можно охарактеризовать как неравновесную. Славянские языки, за редким исключением, находятся в процессе утраты, используются только в семейном общении, а в некоторых общинах — при богослужении. Родной речью активно владеют только представители старшего поколения, в исключительных случаях — представители среднего поколения (40–50 лет)².

Для рассмотрения в настоящей статье отобраны примеры, содержащие явления переключения кода, заимствования, как адаптированные, так и одиночные неадаптированные, демонстрирующие разные модели включения

² Например, информант Х.Б., мужчина 46 лет, проживает в колонии Фрам, активно использует украинский язык при общении с родителями.

и интеграции неславянских элементов, а также тематически раскрывающие языковую и культурную ситуации обсуждаемых славянских сообществ.

Анализ нарративов в Бразилии

В Сан-Паулу поляки образуют две группы: потомки тех, кто мигрировали целенаправленно из польских земель в 1940-х гг., а также переселенцы из южных штатов Бразилии, где они обосновались значительно раньше — в начале XX века³. Ранее поляки в Бразилии изучались преимущественно с точки зрения формирования и истории диаспор [Miodunka, 1996], некоторые лингвистические работы посвящены языку поляков в штате Риу-Гранди-ду-Сул [Linde Usiekniewicz, 1997].

Как показало проведенное исследование, поляки, проживающие в Сан-Паулу, представители старшего поколения, до сих пор имеют высокую языковую компетенцию в польском языке, однако при общении друг с другом нередко переходят на португальский по той причине, что польский язык используется ими в повседневных ситуациях страны проживания крайне редко. Из нарративов I.1, I.2 видно, что первым языком для них был польский, тогда как португальский до поступления в начальную школу мог быть совсем незнаком либо его усваивали параллельно в общении с другими детьми.

I.1. *Pierwszy język był polski, kiedy posłem do szkoły pośsexnyj, miałem sześć lat, nie um'jałem portugalskiego, mn'e b'il'i chłopak'i, bo n'ic n'e rozum'ałem, nauczyłem się f szkole brazył'isk'ij, tutaj f São Paulo*⁴ (Первый язык был польский, когда я пошел в школу, мне было шесть лет, я не знал португальский, меня били парни, потому что я ничего не понимал, я выучил [португальский] в бразильской школе здесь в Сан-Паулу; С.П., 73, муж., пол.⁵).

Потомки польских переселенцев в Нова-Прата, штат Риу-Гранди-ду-Сул

³ В Сан-Паулу переезжали, поскольку там находили больше возможностей для трудоустройства.

⁴ Польские, украинские и белорусские примеры записаны в фонетической транскрипции латиницей, тексты на сербскохорватском языке приводятся в стандартной записи с отражением специфических фонетических особенностей, нарратив на русском языке публикуется в стандартной орфографии с отражением специфических фонетических особенностей. Заимствования из испанского и португальского языков выделены курсивом. В квадратных скобках приводятся уточняющие пояснения.

⁵ После каждого высказывания приводится краткая информация про информанта (инициалы, возраст, пол, язык).

I.2. Ja še naučyłam troxe z źefčynkam'i na ul'icy, bo n'e mam tej pam'eńč'i że pošłam do szkoły i n'e v'ež'ałam, jak muv'ič, ale po polsku f'systko še naučyła (Я выучила [португальский язык] с девочками на улице, потому что я не помню, чтобы я пошла в школу и не знала, как говорить, но по-польски я всё выучила; Э.П., 70, жен., пол.).

В I.1. обращает на себя внимание бразильский топоним *São Paulo*, который остаётся в неизменяемой форме, также не адаптируется фонетически. Однако в других случаях мы находим примеры, свидетельствующие об адаптации португальских лексем. Сравните высказывание о Вербном воскресенье:

I.3. To jest *domingo de ramos*, to jest n'ežela *rajmova*, tutaj do koščoła še b'eže *rajmy*. I tam poš'f'enca, vlaš'n'e teras f n'ež'ele na p'syš'lyj n'ež'ele to benž'e (Это Вербное воскресенье [порт.], это Вербное воскресенье [пол.], здесь в церковь берут пальмы и там освящают, как раз сейчас в воскресенье на будущей неделе это будет; В.Ф., 67, жен., пол.).

Собеседница использует при первом упоминании португальское название праздника, затем дублирует его на польском, что является реализацией стратегии удвоения у билингвальных говорящих [Wasserscheidt, 2015: 54, 169–179]). Обращает на себя внимание произношение [*rajmova*] и [*rajmy*] вместо стандартного польского [*palmova*] «пальмовый», [*palmy*] «пальмы». Здесь можно предположить влияние фонетики бразильского варианта португальского языка, когда финальный -l в конце слога произносится как [ʃ]. При этом данные лексемы демонстрируют все признаки интеграции в словообразовательную (суффикс -ov-) и морфологическую систему польского языка (окончание -a у прил. ж.р. ед.ч., окончание -у неодуш. сущ. м.р. мн.ч. на согласный), поскольку имеют идентичные аналоги в польском. Данные обстоятельства могли облегчить фонетическую интерференцию.

Еще один пример фонетической адаптации португальских лексем реализуется в нарративе I.4. В данном случае представлена метаязыковая рефлексия собеседницы о заимствованных словах в речи поляков. Приводятся все три варианта обсуждаемого слова «фасоль»: польское *fasola*, португальское *feijão* и адаптированное польское *fiżon*. В высказывании обсуждается пищевая культура представителей польской диаспоры Бразилии, у которых все чаще распространяются элементы бразильской кухни — большое потребление риса и фасоли.

Польская часовня в церкви Девы Марии Помощницы Христиан в Сан-Паулу

I.4. Fasola v Brazyľ'iji ŝe nazyva *feijão*, jeŝel'i pov'eŝ' dla kaŝdego polaka v Brazyľ'iji *fiŝon*, to on v'e ŝe to jest *feijão* społŝcone, to jest fasola, *fiŝon*, ja č'i pov'em *fiŝon*, ty v'eŝ o co choŝ'i, ryŝ i *fiŝon* <...> to jest *arroz e feijão* i społŝcone, to ŝŝen'ŝe ŝe je, to ŝŝyscy jeŝa (Фасоль в Бразили называют *feijão*, если скажешь любому поляку в Бразилии *fiŝon*, то он знает, что это полонизированное *feijão*, это фасоль, *fiŝon*, я тебе скажу *fiŝon*, ты знаешь, о чем идет речь, рис и *fiŝon* <...> Это *arroz e feijão*, полонизированное, это везде едят, это все едят; В.Ф., 67, жен., пол.).

Очевидно, что рассматриваемая лексема адаптируется в польском языке при устранении определенных португальских фонетических особенностей — назального [ẽw]>[on] и неназального [ei]>[i] дифтонгов. Отметим, что в польском языке существуют назальные [ɔ] и [ɛ], однако они не могут быть исходом слова в именительном падеже ед.ч., тем более в составе дифтонга. При адаптации назальный дифтонг преобразовывается в закрытый слог с финалью -и и слогаобразующим гласным о. Ударение в слове паракситоническое — подчиняется общим правилам польского языка. Слово изменяется по мужскому роду.

В Сантусе проводилась работа с потомками выходцев из Боснии и Герцеговины. Были записаны нарративы от семьи Млатишума, чьи предки ранее проживали в Горажде и Фоче. В Сантусе они держат ресторан «Дрина» и несколько баров на побережье. В следующем интервью информант Х.М. рассказывает о своих родителях, историю их переселения в Бразилию. Следует отметить, что Х.М. родился в смешанной семье: только его отец происходит из Боснии и Герцеговины, тогда как мать — сирийка, при этом в семье языком общения был сербскохорватский, арабский язык детям не передавался.

I.5. *Meu pai era da antiga Iugoslávia, da Bósnia, Sarajevo... Moja majka iz Sirije, Damasco, moj otac bio u Italiju, bio u Nemačku, i jedan dan išao u Siriju i sad se upoznali i došli tu* (Мой отец был из старой Югославии, из Боснии, Сараево... Моя мать из Сирии, Дамаск, мой отец был в Италии, был в Германии, и однажды он поехал в Сирию, познакомились там и приехали сюда; Х.М., 73, муж., серб.-хорв.).

I.6. *Išli su u Italiju, i tamo su uzeli brod, i došli su tu u Santos. Išli su u São Paulo, i tamo su živjeli trinaest godina, poslije su vratili ovde* (Они поехали в Италию, сели там на корабль и приехали сюда в Сантус. Они ехали в Сан-Паулу, затем вернулись сюда; Х.М., 73, муж., серб.-хорв.).

I.7. *I tamo, tu na praju, jeste bili? Restoran. Imam ja jedan rođak tamo. Tu na praju ima jedna crkva... Mi smo blizu praju, ne mogu da zatvorim, uvijek ima ljudi* (И там на пляже, вы были там? Ресторан. У меня там родственник. Здесь

Ресторан Дрина в Сантусе

на пляже есть церковь... Мы рядом с пляжем, я не могу закрыть [ресторан], всегда есть народ; Х.М., 73, муж., серб.-хорв.).

Свое повествование в I.5. Х.М. начинает на португальском, затем переходит на сербскохорватский язык, когда выясняется, что исследователи могут вести на нем беседу. Топонимы *Damasco*, *Santos*, *São Paulo* являются неадаптированными вставками в нарративе, сохраняют все черты португальской фонетики (напр., наличие назальных звуков, переход безударного *o > u*). Помимо топонимов фиксируются заимствованные лексемы из других тематических групп, в частности, используется слово *paja* (*praia* — «пляж»). В речи Х.М. оно встречается только в одной форме — с окончанием *-и*. Учитывая, что существительные на *-а* при заимствовании обычно сохраняют родовую принадлежность (ж.р.), регистрируемая форма является винительным падежом ед.ч. ж.р. Однако она используется и в позиции других падежей, в частности, вместо предложного падежа, что часто отмечается в диалектах сербскохорватского языка⁶. В приводимых нарративах использование винительного падежа вместо предложного отчетливо видно и на других примерах (*bio u Italiju* «был в Италии», *u Nemački* «в Германии»). В некоторых случаях нарушаются правила согласования и употребления падежных форм, что можно объяснить редким использованием языка. Так, во фразе *imat ja jedan rođak tamo* — «у меня там есть родственник» — одушевленное существительное м.р. ед.ч. имеет форму, совпадающую с формой именительного падежа, тогда как ожидается форма родительного: *imat ja jednog rođaka tamo*. После предлога *blizu* находим форму *paju* в винительном падеже вместо формы в родительном: *blizu praje* — «рядом с пляжем».

Высказывания хорватских переселенцев в Чили

В Чили исследователи записали интервью с потомками хорватов, чьи предки переселились в конце XIX – начале XX в. из прибрежных областей современной Хорватии — Далмации (в основном с островов Брач, Хвар, Корчула, а также из окрестностей Сплита). В столице Чили городе Сантьяго в районе Витакура находится центральная хорватская культурная организация *Estadio croata* «Хорватский стадион», где расположены спортивные площадки, ресторан, актовые залы для торжеств, небольшой театр, учебные классы. До обретения Хорватией независимости в 1991 году хорватские культурные

**HAMBURG JUŽNO-AMERIČKO
PAROBRODARSKO DRUŠTVO**
GLAVNO ZASTUPSTVO ZA JUGOŠLAVIJU
ZAGREB

Starčevićev trg 8
Telefon: 42-02 Brzjav: Columbus

OTPREMA PUTNIKE VELIKIM EXPRESNIM BRODOVIMA NAJMODERNIJE GRADJE ZA ARGENTINU, URUGUAY, BRAZILJU; SA PRIKLJUČKOM ZA BOLIVIJU, PARAGUAY I CHILE.

Radi osiguranja mjesta, prospektata i sviju potrebnih informacija, treba se obratiti na glavno zastupstvo Zagreb, Starčevićev trg 8 ili poslovnice u Beogradu, Karagiozjeva ul. 91, Bečkerku, Obala Princeze Jelene 4, Somboru, Pariska ulica 2, Osijeku, Željeznički red br. 9, Splitu, Ugoš Donkocijanove obale te ostala zastupstva u Dubrovniku, Metkoviću, Korčuli, Bitolju.

Реклама хорватского корабля, направлявшегося в Южную Америку. XIX в.

⁶ Например, в хорватских говорах острова Брач [Šimunović, 2009: 58].

организации назывались югославскими⁷. Поток хорватских переселенцев был направлен преимущественно на север страны — в Антофагасту, Икике, Арику, где располагались шахты по добыче селитры, и на юг — в Пунта-Аренас, где добывали золото. Хорватской диаспоре в Чили посвящены прежде всего исследования исторического характера, лингвистическая проблематика практически не рассматривается [Boric, 1978; Lasić, 2010; Perić, 2004]. В Сантьяго хорватская миграция вторична, образовалась она в результате переезда хорватских переселенцев и их потомков из указанных выше регионов. Так, информантка Р.Х. родом из города Пунта-Аренас, но уже длительное время проживает в Сантьяго. В следующем нарративе она рассказывает о своей семье.

II.1. Ja san rođena u Punt Arenas, u, kako, *zona austral Chile*, namo puno puno hervatski suita *le decía nona, no es suita, creo ljudi, ljudi...* Puno svita ovde *Croacia*. I moja nona Zorka, moja baba, baka, rečen nona, umorla moja mama, moja majka, i začela živiti iz nama. Oná govorila samo hervatsko s ocem... Moj otás, isto tako semo naučili, naučiti malo pričati o, govoriti, lakom stvarima, kako brojeva, o voća, pivo, suega da govoriti u kuću, suaki dan (Я родилась в Пунта-Аренасе, южная часть Чили, там много хорватов, бабушка говорила *svita*, но это не *svita*, думаю, что это *ljudi*... Много людей здесь из Хорватии. И моя бабушка Зорка, я говорю *nona* [бабушка], умерла моя мама, и она начала жить с нами. Она говорила только по-хорватски с отцом... Мой отец, мы также выучили немного, как разговаривать о простых вещах, как, например, цифры, фрукты, пиво, как обо всем говорить дома, каждый день [т.е. о повседневных домашних делах]; Р.Х., 68, жен., хорв.).

Языковая компетенция в хорватском языке собеседницы Р.Х. сильно редуцирована: речь замедленная, заметны частые перебивки и hesitation, рассогласование по роду и падежу (*govoriti o brojeva, o voća*, хорв. лит. *govoriti o brojevima, o voći* — «говорить о цифрах, о фруктах»), забывается общеупотребительная лексика. При этом наблюдаются вставки из испанского языка, а также коррекция в сторону литературных хорватских форм, поскольку

Открытие хорватского клуба
в г. Пунта-Аренас. 1915

⁷ Например, внутри хорватского мавзолея (отдельно стоящее здание в несколько уровней вниз и вверх с нишами для захоронений для хорватской общины) на кладбище Реколета в Сантьяго до сих пор висит табличка с надписью *Jugoslovenski mauzolej* — «Югославский мавзолей».

Р.Х. посещает курсы хорватского языка в Сантьяго (напр., *ljudi* — «люди», *baka* — «бабушка»). Тем не менее в ее речи сохраняются особенности чакавско-штокавских приморских хорватских диалектов: икавизмы в формах (*suited*, хорв. лит. *svijeta* — «народа» /р.п./), финаль *-n* вместо *-m* во флексиях (*rečen*, хорв. лит. *rečem* — «скажу»), региональная лексика (*nona* — «бабушка»), реализация *r* слогового как *er* (*hervatski*, хорв. лит. *hrvatski* — «хорватский»)⁸. Интерференция с испанским проявляется на фонетическом уровне, в частности в произношении начального кластера согласных *sv-*, который произносится как *su-* (*suega*, хорв. лит. *svega* — «всего»), а также в субституции звука [с] звуком [s] (*otas*, хорв. лит. *otac* — «отец»)⁹.

В Антофагасте было записано интервью с П.П., принадлежащей ко второму поколению переселенцев. Обращает на себя внимание использование лингвонима *yugoslavo* «югославский» для номинации своего языка, что является отражением предыдущей языковой и общественно-политической ситуации, когда существовала Югославия. Во фрагменте II.2. также находим свидетельство о прошлой языковой ситуации в семье П.П., где языком общения был хорватский, а за пределами семьи использовался испанский. Благодаря сознательной установке родителей в семье П.П. хорватский язык сохранился до сих пор, в отличие от большинства других хорватских семей в Антофагасте.

Estadio croata в Сантьяго

Традиционные костюмы
в Хорватском доме
в Антофагасте

II.2. Šaša kaže, kad ja bila mala, kaže, mati, dite, Ante, Paulina, Katja, u kuću triba da se razgovara u *yugoslavo*, *yugoslavo* kad je vanka, nema problema, spanjolski sue, *pero* u kuću tribamo se razgovaramo da on sluša i tako je bilo (Папа говорил, когда я была маленькой: «Мать, дети, Анте, Паулина, Катя, дома нужно говорить по-югославски, когда вы не дома, нет проблем, все по-испански, но дома мы должны разговаривать», чтобы он слушал, и так и было; П.П., 58, жен., хорв.).

⁸ Здесь можно предположить и фонетическое упрощение нетипичных для испанского скопления групп согласных.

⁹ Данное явление характерно и для хорватских говоров в аргентинской провинции Санта-Фе [Bilić, Cúneo, Franić, 2023: 93]

В высказывании П.З., также записанном от П.П., повествуется об истории переселения в Чили ее деда из Югославии: он с друзьями переехал сначала в Аргентину, затем в Чили, в окрестности Антофагасты, для работы на шахтах по добыче селитры.

П.З. *Kad bio u Jugoslavija, on je imao dua prijatelj, entonces se razgovaralo i kaže, idemo tamo, idemo u Arhentina, porque jedno prijatelj imalo tamo brate, ne znam, brate, i ovo i bio u Arhentinu... Arhentina nije bilo kako se kaže da e, dobro, entonces poslin jedno prijatelj se, se quedó cómo se dice? En Argentina, i dide con drugi prijatelj dođi ovde u Čile u salitreras, ovo desierto bilo puno salitreras, porque Chile exportaba salitre, era isto ka danas cobre, y ahí trabajó muchos años, u salitrera* (Когда он был в Югославии, у него было два друга, они разговаривали, и он говорит: поедем туда в Аргентину, потому что у друга был там брат, и он был в Аргентине... В Аргентине не было хорошо, потом один друг, как сказать остался? В Аргентине. И дедушка со вторым другом приехал сюда в Чили на шахты селитры, в этой пустыне было много шахт по добыче селитры, потому что Чили экспортировала селитру, это было как сейчас медь, и он работал здесь много лет, в шахтах селитры; П.П., 58, жен., хорв.).

В приводимых нарративах П.П. находим, с одной стороны, явления, отражающие диалектные особенности приморской далматинской зоны: икавизмы (*dite*, хорв. лит. *dijete* — «ребёнок», *dide*, хорв. лит. *djed* — «дедушка», *triba*, хорв. лит. *treba* — «нужно»), специфическую региональную лексику (*ćaća* — «папа» [Šimunović, 2009: 168], *vanka* — «на улице», *poslin* — «после» [Šimunović, 2009: 712]), с другой стороны, случаи фонетической (устранение начального кластера согласных со вторым *v*: *sue*, хорв. лит. *sve* — «всё», *dua*, хорв. лит. *dva* — «два») и лексической интерференции (вытеснение противительного союза *ali* союзом *pero* «но», вытеснение союза *zašto* союзом *porque* «потому что»¹⁰). Заметно рассогласование по роду (*jedno prijatelj*, хорв. лит. *jedan prijatelj* — «один друг») и падежу (*bio u Jugoslavija*, хорв. лит. *bio (je) u Jugoslaviji* — «он был в Югославии»), при этом одушевленные существительные мужского рода в вин.п. ед.ч. не претерпевают изменений. Кроме того, фиксируется использование испанских дискурсивных маркеров (*entonces* «тогда»), испанской огласовки некоторых общих лексем (*Arhentina*, хорв. лит. *Argentina* — «Аргентина»), переключение кода внутри предложения и на границах предложений. Испанское заимствование *desierto* «пустыня» согласуется по среднему роду с указательным местоимением *ovo* «это», чему способствует финальный -о, хотя в испанском языке данная лексема мужского рода. Из необычных случаев отметим одиночное использование испанского предлога *con* — «с» с хорватским дополнением в именительном падеже (*con drugi prijatelj* — «со вторым другом»).

¹⁰ В приморских хорватских говорах находим заимствованный из итальянского союз *perke, prke, prike* — «потому что» [Šimunović, 2009: 647].

Экономическая миграция в Чили из Югославии имеет свои особенности: она не остановилась с началом Второй мировой войны, а продолжалась вплоть до 1950–1960-х гг. В Чили приезжали родственники первых хорватских поселенцев, молодое поколение, так как переселенцы сохраняли контакты с семьями в Югославии. В Икике исследователи посетили местный «Хорватский дом», было записано интервью с четырьмя собеседниками, хорватами по происхождению, родившимися еще на территории Югославии. Например, собеседник П.И. родился в окрестностях города Задар, в Чили переехал в 1950-х гг. Однако и в речи таких собеседников мы находим следы испанского влияния. Так, испанское *descendiente* — «потомок» адаптируется при помощи устранения финального -е, который в хорватском языке не свойственен одушевленному существительному мужского рода. Фиксируется союз *pero* — «но», который может быть также отражением первичной диалектной основы информантов, поскольку в хорватских приморских говорах фиксируется большое количество итальянизмов, что в определенной степени может облегчать вхождение других романских элементов в их речь¹¹. В приводимом фрагменте П.И. с сожалением говорит о том, что хорваты, рожденные уже на территории Чили, не владеют хорватским языком, говорят только по-испански.

Хорватский дом в Икике

Монумент хорватским переселенцам на Plaza Slava в Икике

II.4. On je isto *desendient* od Hrvata, Grković je mu otac, prva generacija po ocu, ne govori ni jednu rič hrvatsku. Marinković, on je treća generacija, *pero* ne zna (Он также потомок хорватов, Гркович его отец, он первое поколение по отцу, но не говорит ни одно слово по-хорватски. Маринкович, он третье поколение, но не знает [хорватский язык]; П.И., 87, муж., хорв.).

В нарративе II.5. П.И. рассказывает о местных достопримечательностях, при этом все упоминаемые им топонимы реализуются без адаптации (*desierto Atacama* — «пустыня

¹¹ Это обстоятельство значительно отличает выходцев из приморских зон Хорватии от других славян, у которых не было контактов с итальянским языком.

Атакама», *Sad Pedro Atacama* — «Сан-Педро-де-Атакама», данный топоним употреблен П.И. без предлога *de*). Заимствуется лексема *albergi* из испанского языка (ср. исп. *albergue* — «пансион, гостиница»). Окончание *-i* данного существительного можно интерпретировать либо как именительный падеж ед.ч., либо как родительный падеж м.р. мн.ч. Лексема *gejseri* может считаться контаминированной из хорватских и испанских элементов (ср. хорв. *gejzir*, исп. *geiser* — «гейзер»).

II.5. Ja san malo iša, ovde blizu nas je ča se zove *desierto Atacama*, *Sad Pedro Atacama* je jedan selo, grad, ne znan šta je, i tu ima turizma, zašto naokolo ima neka jezera, ima ovaj, kako se zove, *gejseri*, ča baca kuhanu vodu iz zemlje. To ima toga, onda narod gleda to, ima otéle, ima isto i privatnih *albergi*, ča dadu sve za spravanje (Я немного поездил [по окрестностям Икике], здесь рядом с нами находится пустыня Атакама, Сан-Педро-де-Атакама — это одна деревня, город, не знаю, что это, и тут развит туризм, потому что в окрестностях есть озёра, есть, как они называются, гейзеры, что выбрасывают кипящую воду из земли. Есть это, и люди смотрят на это. Есть отели, есть и частные гостиницы, которые предоставляют все для ночлега; П.И., 87, муж., хорв.).

Что касается диалектных особенностей, то здесь мы фиксируем местоимение *что* в форме *ča* (хорв. лит. *što* — «что»), окончание глаголов в 3 л. мн.ч. *-du* (*dadu*, хорв. лит. *daju* — «дают») а также постановка ударения на флексию в форме родительного падежа ж.р. ед.ч. (*zemlje*, хорв. лит. *zémle* — «земли» р.п. ед.ч.).

Интервью со славянскими колонистами в Парагвае

В Парагвае работа происходила в департаменте Итапуа среди представителей украинских, белорусских и польских колонистов, переселившихся в Парагвай в межвоенный период из Польши. В научной литературе эти диаспоры рассматриваются преимущественно в историческом и этнографическом ключе [Сірко, Lehr, 2006; Шабельцев, 2011; Мосейкина, 2003]. В колонии Фрам было записано интервью с полькой О.Т. о сельскохозяйственных работах. В нарративе отмечаются адаптированные испанские лексемы, тематически связанные с сельским хозяйством (*mačete*, исп. *machete* — «мачете», *mandioka*, исп. *mandioca* — «маниока», *alfalfa*, исп. *alfalfa* — «люцерна», *koseča*, исп. *cosecha* — «урожай», *epoka*, исп. *época* — «сезон»), а также неадаптированные дискурсивные маркеры (*bueno* — «хорошо», *o sea* — «то есть»). Из собственно польских особенностей следует отметить произношение сочетаний *-um/-om* в позиции конца слова вместо [ɔ] (*z matom* — «с мамой», *kosum* — «косой» /тв.п./), протетический *w-* (*worał* — «пахал»), произношение сочетания *sv-* (*swoje* — «своё») вместо *sf-*, произношение сочетания *kv-* (*kvěčen'* — «апрель») вместо *kf-*, вместо наречия *trzeba* «нужно» используется форма *tśa*.

III.1. Pšyvezl'i do lasu i tšeba było to fšystko *mačetem* rombač', to ja rob'ila, pracowałam tyś, n'eras muv'e, zatem ja jestem troxu garbata i fšystko, tśa było

noš'ic' *mandiok'i š'v'in'am*, te kartofl'i, tutaj *mandioka* še nazyva, *alfalfe* nakoš'im z mamom, n'eras ja sama, ja tyš kosum koš'ilam, ja lubè pracovač, i tato woraľ čy bronovaľ čy co, to tšeba koňam pšyněš tego ježen'a i to fšystko, i *bueno* ta soja byla posazona, bo tera to še saž'i dva tšy razy na rok i v'encej te soje a davněj to m'alo svoje, svoje *epoke*, jak to povež'eč, n'ě v'em, tša bylo, še saž'ilo v l'istopaž'i, v grudn'u i tak še začynaľ i *koseč'i o sea* zbory, tak v marcu i kvěč'en, pšyvažn'ij maj (Привезли в лес и нужно было все мачете рубить, я делала, работала тоже, часто говорю, поэтому я немного горбатая, нужно было носить маниоку свиньям, эта картошка, тут маниока называется, люцерну накосим с мамой, часто я сама, я тоже косой косила, я люблю работать, и папа пахал или бороновал, нужно лошадям принести эту еду и это все, и эта соя была посажена, так как сейчас сажают два-три раза в год и больше этой сои, а раньше было свое время, как это сказать, не знаю, сажали в ноябре, в декабре и там начинался сбор урожая в марте и апреле, прежде всего май; О.Т., 78, жен., пол.).

В Коронель-Богато исследователи работали с носителями украинских говоров. Приводимое интервью интересно тем, что собеседница является полькой по происхождению, однако она в повседневной коммуникации перешла на украинский язык, поскольку в ее окружении были преимущественно украинцы. В приводимом нарративе III.2. раскрывается языковой репертуар А.В. и ее мужа: в ее семье говорили по-польски, в школе она выучила украинский язык в общении с подругами, а также испанский. Языком гуарани А.В. владеет скорее в пассивной форме, тогда как муж А.В. владел гуарани лучше. Здесь мы также видим как адаптированные (*čákra*, исп. *chacra* — «ферма»), так и неадаптированные заимствованные элементы: одиночные (*migrante* — «мигрант») и состоящие из более чем одного элемента (*de Polonia* — «из Польши»). Испанский язык именуется *kastěža*, *po kastěž'i* — «по-испански», для которого трудно установить исходную испанскую форму, поскольку в испанском языке прилагательное *castellano* — «испанский» имеет еще один слог по сравнению с обсуждаемой лексемой. В речи А.В. фиксируется один польский глагол, изменяемый по украинской системе: *vykrencáju*, ср. пол. *wykręcać* — «выкручивать».

III.2. *Dálše za Kárménem*, na kolón'iji tak, na *čákr'i*, mojí baťký pryjíchaly z Ourópy, *migrante*, my *descendiente polaco*. Pryjíchaly, Varšáva, tam buló, téje m'isce nazyválo's'a, *de Polonia*, mojí baťký pryjíchaly, čétvero z n'ímy pryjíchaly, dv'i d'íwčyny i dva xlópc'i, alé wže tepér pómerly ws'i, mojí jak to kážut' tutějšyji, jak hovóru, alé tróška po *kastěž'i* m'íšáju, *vykrencáju*, a po pól's'k'i my hovorýly wdómu, alé póšle ja naučýla's'a, do školy xodýla, bulý týji d'íwčata *ucr- ucraniano*, i janý mené učýly, i my s'm'ijálys'a, jak ja po pól's'k'i hovóru. Alé tepér b'ílše *castellano*, m'ij užé pomér, v'in hworýw jak to po tutějšemu *guaraní*, *castellano*, ja to po *guaraní* to rozum'iju baháto, alé tak ne móžu hovorýty, bo m'íšáju týji slóva, znáju téje, znáju téje, alé m'íšáju ... l'ípše ne hovorýty, jak ne hovóryš dóbre ([Мы жили] дальше за Кармен-дель-Парана, на колонии, на чакре, мои родители приехали из Европы, мигранты, мы по происхождению поляки. Мы приехали, Варшава, там было,

это место называлось, из Польши, мои родители приехали, четверо с ними приехали, две девочки и два мальчика, но уже теперь все умерли, мои, как это говорят местные, как я говорю, но немного с испанским смешиваю, выкручиваю, а по-польски мы говорили дома, но потом я научилась [по-украински], в школу ходила, были девочки украинки, и они меня учили, и мы смеялись, как я по-польски говорю. Но сейчас больше по-испански, мой [муж] уже умер, он говорил по-местному на гуарани, по-испански, я гуарани понимаю много, но так не могу говорить, потому что смешиваю эти слова, знаю то, знаю то, но смешиваю... Лучше не говорить, если не говоришь хорошо; А.В., 84, жен., укр.).

Крестьянская постройка на чакре в колонии Фрам

За время экспедиции было записаны интервью с четырьмя информантами, носителями белорусского языка. В Коронель-Богадо В.З. рассказала исследователям, откуда приехали ее родители, о причинах эмиграции из межвоенной Польши, в которую входили тогда западно-белорусские земли (III.3.). В публикуемом нарративе III.4. В.З. рассказывает местное поверье о колибри, при этом в середине повествования она переходит на испанский язык. Лексема *Polónija* (ср. исп. *Polonia* — «Польша») заимствуется из испанского языка и адаптируется к словоизменительной системе

Национальный день мигранта, организованный Ассоциацией славянских мигрантов в Коронель-Богадо

к словоизменительной системе принимающего белорусского говора. Для данного говора характерны следующие диалектные черты: заударное оканье (*drúhom* — «втором», *xaróšo* — «хорошо», *dóbro* — «хорошо», *málo* — «мало», *nóvosc'i* — «новости»), окончание глаголов в 3 л. ед.ч. -а (*mája*, бел. лит. *mae* — «имеет», *pryjažžája*, бел. лит. *при-яжджае* — «приезжает»), местоимение *šo* в соответствии с бел. лит. *што* — «что».

III.3. Mnè zdajécca máma z M'ínsku, alě janý s *Polóniji* vyjažžál'i, bo tam tadý z M'ínsku n'i mahl'í výjexač... Mús'ic' šo u trýccac' drúhom, ja dóbro n'i znáju, bo my užé raz'íl'is'a tut usé, adná dačká pryjéxala stul'. Uc'akál'i ad vajný, bo rúsk'ije čy pól'sk'ije kazál'i, kab vyjažžál'i, bo buzé vajná, i zatým pryjéxał'i, ja tak pan'imáju, ja málo šo pan'imáju, v'él'm'i málo že z nám'i havaryl'i, stáršyje znájuc' bolš, jak moj brat (Мне кажется, мама из Минска, но они из Польши уезжали, пото-

му что тогда из Минска не могли уехать... Наверное, в тридцать втором, я хорошо не знаю, потому что мы уже родились тут все, одна дочка приехала оттуда. Они убегали от войны, потому что русские или поляки говорили, чтобы уезжали, потому что будет война, и поэтому приехали, я так понимаю, я мало что понимаю, очень мало, что с нами говорили, старшие знают больше, как мой брат; В.З., 76, жен., бел.).

III.4. A *picaflor*, to ja máju květk'i, tam pryjaž'aja zaws'údy p'ic' m'et, kážuc', šo jak pamré xtoš, el alma se mete en el picaflor y viene a tomar las flores parade visita, jak užé xto mája pryjéxac', idúc', s'p'avájuc', pjuc' túju vódu u květkax... dóbro, v'él'm'i xaróšo, v'él'm'i nóvoš'ci xaróšyje pryvóz'ic' (А колибри, у меня есть цветы, там она прилетает всегда пить мёд, говорят, что как умрет кто-то, душа вселяется в колибри и прилетает к цветам, если кто-то должен приехать, идут, поют, пьют эту воду в цветах... [Это] хорошо, очень хорошо, хорошие новости приносит; В.З., 76, жен., бел.).

В колонии Фрам нами было записано интервью на русском языке с А.З., рожденной в Китае в 1943 году в городе Кульджа и привезенной родителями в Парагвай в 1948 году. Всего прибыли в эти места несколько русских семей из Китая, в частности из Синьцзяна¹². А.З. рассказала про обычай сжигать освященный на Вербное воскресенье букет из трав, чтобы дым принес благо скоту. В ее высказывании фиксируются испанизмы для названия цветов: напр., *siemprevive* «гомфрена» — лат. *gomphrena perennis*, а также дискурсивный маркер *sí* — «да». Отмечены также разговорные и диалектные черты (*есь* — «есть», *на тым* — «на том», *чё* — «что»).

III.5. Есь петушок, так сказать, есь *siemprevive*, с этим букетом, я поставлю, целый год стоит он, после надо его палить, кто имеет скотину или чё, это палят для коров, там где коровы стоят, там ты палишь на тым, или сказать, у дверях, *sí* для коров (А.З., 82, жен., рус.).

* * *

В рассмотренных примерах были представлены элементы окружающих романских языков во взаимодействии с принимающей системой обследованных славянских языков (сербскохорватского, польского, украинского, белорусского и русского). Сохранность хорватского языка в Чили крайне низкая, что, по всей видимости, объясняется преимущественной городской средой проживания, тогда как в сельских районах Парагвая до сих пор можно встретить представителей среднего поколения, которые активно используют в повседневном общении славянские языки. Интерференция с романскими языками охватывает все уровни языка, у информантов с низкой языковой компетенцией возникают гибридные формы. При этом все высказывания обладают высокой степенью диалектности, поскольку информанты

¹² Ранее, в предыдущих экспедициях русские, выходцы из Китая, не были нашими информантами.

не испытывали, либо испытывали в минимальной степени, влияние соответствующих литературных языков, что консервировало их идиомы на том этапе развития, когда происходило переселение. При адаптации романских лексем устранились нетипичные для конкретных славянских языков фонетические явления и морфологические показатели. У информантов с неактивной языковой компетенцией могут происходить рассогласования в роде, падеже. В целом славянские языки активно осваивают иноязычные лексемы. На этом фоне выделяются приморские хорватские говоры, в которых и до переселения информантов в страны Южной Америки присутствовало большое число романизмов, что облегчает интеграцию похожих испанских слов. Явление переключения кода также широко используется собеседниками как внутри предложения, так и на его границах. Языковая ситуация везде имеет схожую тенденцию развития: на раннем этапе языками общения в семье были славянские, затем произошел языковой сдвиг в пользу испанского и португальского языков, что и диктует нам необходимость тщательной документации и анализа существующих славянских языков в изучаемом регионе.

Список литературы / References

Белов Д.В. (2024) Старообрядцы в Латинской Америке, *Ибероамериканские тетради*, № 4, с. 132–146. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2024-12-4-132-146>

Belov D.V. (2024) Staroobryadtsy v Latinskoy Amerike [Russian Old Believers in Latin America], *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 132–146. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2024-12-4-132-146> (In Russian)

Березнев В.И., Ясинская М.В. (2024) Рассказы о еде у русских эмигрантов в Аргентине и Уругвае (по материалам экспедиции 2023 г.), *Живая старина*, № 2, с. 53–57.

Bereznev V.I., Yasinskaya M.V. (2024) Rasskazy o yede u russkikh emigrantov v Argentine i Urugvaye (po materialam ekspeditsii 2023 g.) [Narratives about food gathered from Russian emigrants in Argentina and Uruguay (based on the fieldwork in 2023 expedition)], *Zhivaya starina*, no. 2, pp. 53–57. (In Russian)

Мосейкина М.Н. (2003) Русские в странах Латинской Америки в 20-30-е гг. XX в.: «повседневность колонизации», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, № 2, с. 153–166.

Moseykina M.N. (2003). Russkiye v stranakh Latinskoy Ameriki v 20-30-e gg. XX v.: povsednesnost' koloniyatsii. [Russians in Latin American Countries at 20-30s of XX century: Everyday life of colonization], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya istoriya Rossii*, no. 2, pp. 153–166. (In Russian)

Пилипенко Г.П. (2018) Русские в Уругвае: полевые заметки, *Славянский альманах*, № 3–4, с. 306–317.

Pilipenko G.P. (2018) Russkiye v Urugvaye: polevyye zametki [The Russians in Uruguay: the field research notes], *Slavyanskiy al'manakh*, no. 3–4, pp. 306–317. (In Russian)

Пилипенко Г.П. (2021) Южноволынский диалект украинского языка в Аргентине (Мисьонес): дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка, Москва, Ин-дрик, 512 с. DOI: <https://doi.org/10.31168/91674-654-9>.

Pilipenko G.P. (2021) *Yuzhovolzhnskiy dialekt ukrainskogo yazyka v Argentine (Misiones): dnevnik pereselentsa iz mezhvoyennoy Polshy Kirilla Voynyuka* [The South Volhynian dialect of the Ukrainian language in Argentina (Misiones): the diary of Kirill Vozniuk, a migrant from interwar Poland], Moscow, Indrik, 512 p. DOI: <https://doi.org/10.31168/91674-654-9>. (In Russian).

Пилипенко Г.П. (2025) Обзор экспедиции к восточноевропейским переселенческим сообществам в Аргентине и Уругвае, *Славяноведение*, № 1. с. 108–117.

Pilipenko G.P. (2025) *Obzor ekspeditsii k vostochnoevropeyskim pereselencheskim soobshchestvam v Argentine i Urugvaye* [Field Research in the Eastern European Migrant Communities in Argentina and Uruguay], *Slavianovedenie*, no. 1, pp. 108–117. (In Russian)

Пилипенко Г.П., Борисов С.А., Немчинов В.А. (2025) Обзор полевого исследования славянских сообществ Аргентины и Бразилии, *Славянский мир в третьем тысячелетии*, т. 20, № 1–2, с. 161–186.

Pilipenko G. P., Borisov S.A., Nemchinov V.A. (2025) *Obzor polevogo issledovaniya slavyanskikh soobshchestv Argentiny i Brazili* [Review of Field Research among the Slavic Communities of Argentina and Brazil], *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 20, no. 1–2, pp. 161–186. (In Russian)

Ровнова О.Г. (2022) *Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка*, Москва, ЯСК, 608 с.

Rovnova O.G. (2022) *Staroobryadtsy Yuzhoi Ameriki: ocherki istorii, kul'tury, yazyka* [The Old Believers of South America: Essays on History, Culture, and Language], Moscow, YASK, 608 p. (In Russian)

Шабельцев С. (2011) *Иммигранты-чакарано из II Речи Посполитой в Аргентине и Парагвае. Воспоминания белорусов и украинцев*, Минск, Республиканский институт высшей школы, 94 с.

Shabeltsev S. (2011) *Immigranty-chakarero iz II Rechi Pospolitoj v Argentine i Paragvaye. Vospominaniya belorusov i ukraintsev* [Chacarero immigrants from the Second Polish Republic in Argentina and Paraguay. Memories of Belarusians and Ukrainians], Minsk, Respublikanskii institut vysshei shkoly, 94 p. (In Russian)

Bilić J.B., Cúneo P., Franić I. (2023) El croata como lengua de herencia en Argentina: entre la vulnerabilidad y el mantenimiento lingüístico [Croatian as a heritage language in Argentina: between vulnerability and linguistic maintenance], *Íkala*, vol. 28, no. 1, pp. 86–104. (In Spanish)

Boric I. (1978) Emigración croata a Chile [Croatian emigration to Chile], *Studia Croatica*, no. 70–71, pp. 141–150. (In Spanish)

Cipko S., Lehr J.C. (2006) Ukrainian settlement in Paraguay, *Prairie Perspectives*, no. 1, pp. 31–46.

Lasić J. (2010) Jezični identitet hrvatske iseljeničke zajednice u Čileu [Language identity of the Croatian immigrant community in Chile], *Časopis za hrvatske studije*, vol. 6, pp. 163–171. (In Croatian)

Linde Usiekniewicz J. (1997) Sytuacja językowa Polonii brazylijskiej [Language situation of Brazilian Polonia], in S. Dubisz (ed.). *Wybór tekstów polonijnych z Brazylii y Argentyny* [Polish texts from Brazil and Argentina], Warszawa, Elipsa, pp. 23–41. (In Polish)

Miodunka W. (1996) «O negro do Parana e o Polaco» czyli o przemianach tożsamości polskiej w Brazylii [«O negro do Parana e o Polaco» or about changes in Polish identity in Brazil], in T. Paleczny (ed.) *Emigracja – Polonia – Ameryka Łacińska* [Emigration – Poland – Latin America], Warszawa, CESLA, pp. 159–175. (In Polish)

Perić M. (2004) Aspekti integracije i adaptacije hrvatskih iseljenika u Čileu [Aspects of integration and adaptation of Croatian emigrants in Chile], *Migracijske i etničke teme*, vol. 20, no. 2–3, pp. 243–258. (In Croatian)

Pilipenko G.P. (2018) The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker, *Slověne*, no. 1. pp. 281–307. DOI: <https://www.doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.1.12>.

Pilipenko G. (2023) Language as a Home Tradition: Linguistic Practices of the Russian Community in San Javier, Uruguay, in M. Yelenevskaya, E. Protassova (eds.) *Homemaking in the Russian-speaking Diaspora*, Edinburgh, Edinburgh University Press, pp. 140–163.

Šimunović P. (2009) *Rječnik bračkih čakavskih govora* [Dictionary of Čakavian Brač dialect], Zagreb, Golden marketing, 1209 p. (In Croatian)

Wasserscheidt Ph. (2015) *Bilinguales Sprechen. Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie* [Bilingual speech. A construction-grammatical approach. Dissertation on obtaining the academic degree Doctor of Philosophy], PhD Thesis, Berlin, 344 p. (In German)